

Сергей Сметанин

https://ic.pics.livejournal.com/kunst_camera/33852136/225447/225447_original.jpg

1976: через 10 лет

Сергей Сметанин

1976: через 10 лет

Санкт-Петербург
2023

Пролог

История «давно прошедших дней» —
Моей заветной повести начало —
Рябиновой листвою прошуршало
И затаилось в золоте ветвей.

Ей богу, мне не стоило труда
Достичь душой обманчивого мига,
Когда раскрыта жизненная книга
По осени, прозрачной, как слюда.

Не так ли много-много раз подряд,
Волнуя душу пестротой закладок,
Предзимний, обязательный порядок
Входил, минуя тысячи оград?

Слагайся, вдохновенная канва,
Творишь, благословенное мечтанье,
Ты, разум, облакай повествованье
В единственные верные слова!

Напомни мне круженье головы
И жаркий взгляд на линию маршрута:
Движенье самолёта от Уфы
Через Свердловск, Тюмень и до Сургута.

И пусть была не осень, а июнь,
Жара невыразимая, густая...
Эх, жизнь моя, планида расписная,
Хоть ты меня когда-нибудь приструнь!

I

Рейс ранним был. В седьмом часу утра
В самую изнанку лета прилетал я.
На Севере, чего не ожидал я,
Была невероятная жара.

К обеду — где-то тридцать-тридцать пять.
Чуть позже и за сорок подскочило.
Мне в городе прелюбопытно было
Ряды пятиэтажек наблюдать.

Старался возле стен идти в тени:
Палило с неба так невыносимо...
Шальные КрАЗы пролетали мимо,
Солярной гарью пыхали они.

Меня достойно встретила родня,
И город щедро выразил заботу:
В общежитии был прописан я в три дня,
А на четвёртый вышел на работу.

И, чтобы научился я считать
Уже в масштабах северных, нескромных
На нашей автобазе № 5
Мне выдали шестьсот рублей подъёмных¹.

Готовилась догнать меня семья,
Квартиру обещали чрез полгода.
Покуда же вагончик для жилья
Я мог поставить у стены завода.

Под молодой берёзкой на песке,
Желтеющем за тонким слоем дёрна,
Я начал строить новый быт упорно
И на работу бегал налегке.

Был плотником я взят. В ученики.
Потом разряд помалу повышали.
Признаться, раньше представлял едва ли,
Что топориче будет мне с руки.

Не то, что узкий выбор огорчил,
Не то, что мне сосед подсыпал соли,
Нас дедушка чему-то научил,
И как держать топор учили в школе.

Но я окончил университет
И был по специальности филолог.
Эх, путь по жизни! До чего ты долог!
Тебе подобных не было и нет.

Не очень-то я в школу и хотел.
Хотя и сообщил в военкомате
Об этакой моей «координате»,
В журнале записали между дел.

В тот год мороз за минус пятьдесят
Ударил в декабре по воле рока.
Определённо был тому не рад
Вагончик, промерзающий жестоко.

В конструкции, задуманной с умом,
Составил автор сих сооружений
Две секции с печуркой и котлом
Для обогрева скромных помещений.

Но был я никудышный истопник,
А может быть, полешек не хватало:
Дрова, что порох, прогорали вмиг,
И через час система выстывала.

Однажды, на обед придя домой,
Я обнаружил, от беды шалея,
Что тупо «разморозил» батареи.
И сразу все четыре до одной!

— О, боже! Как же вас восстановить! —
Давай, скорей выпрашивать машину,
Изображая малого детину,
Которым, вроде, перестал уж быть.

По счастью, по соседству от меня
Строительных участков было много
И на одном: «Берите, ради бога!» —
Бесплатно дали их к исходу дня.

Так просто?! Улетая в небеса,
Я вентили приделал к батареям
И перешёл к решительным идеям —
Не дал себе скучать ни полчаса.

Мой дядя современный ТЭН² нашёл:
Пусть нагреватель, врезанный в котёл,
Надолго ситуацию исправит —
От вечной топки жителя избавит.

Но поначалу я и так, и сяк:
Нелепо сделал врезку в плоский бак
Чугунного котла намного выше,
Едва ли не у самой тонкой крыши.

И лишь потом нашёл разумный ход:
Воды горячей нужный оборот
Был обеспечен с исподу котла,
И «тёпленькая» весело пошла!

II

В тот год, когда Сургут я обживал,
По замыслу Госплана и законов
Он с высоты полёта представлял
Разрозненную гроздь микрорайонов.

«НГДУ», «Строитель», «Чёрный мыс»
С автобусом на «Рыбокомбинате» —
Каким бы мы числом ни собрались,
Хватало места частику в томате

Для благодного роста организма.
А пироги с лещом и муксуном³
Нам говорили только об одном:
О скором наступленьи коммунизма.

Был вольный город молодым совсем.
Представьте, в нём кишмя кишит народа,
А средний возраст — только двадцать семь! —
С пятидесятого, не раньше, года.

Я, в Омск попав по делу, через год
Был поражён: ну, посудите сами, —
Весь город переполнен... стариками! —
Отвык их видеть юный обормот.

Таким Сургут и принял молодца:
Ровесники — ошую, одесную⁴
Партком-профком мне заменял отца,
А общее собранье — мать родную.

Начальству по труду подчинены
И совести своей (в часы досуга)
Мы жили жизнью мира и страны
Тюменщины, Сургута и... друг друга.

Откуда только ни были мы родом! —
Армения, Молдова, Казахстан...
Так цирковой, весёлый балаган
Разнообразным полнится народом.

Для каждого обычно находились
Достойные работа и жильё.
Кто послабее – мигом воротились
Обратно в местожительство своё.

Дрались, бывало, но не «по злоб`е» —
Служили нефтеносному Приобью:
Мы город возводили по себе,
И он нас гнул по своему подобию.

Бывало — где ни встретишь сургутян! —
По смелости во взоре без печали,
По скромности — «изъяну» северян
В любой толпе своих мы отличали.

Сургут, как центр естественных путей
В эпоху запредельных скоростей,
Заспорит кто-то, кто-то удивится:
По факту был — югорская столица.

Из всех известных в мире городов
Наш самый тот! Пусть музыка любая
Звенит, в аккорде Игоря Киртбая⁵ —
Семь нот от основателей-отцов.

Об этом заявляю как знаток
И типа рифмы, и аллитераций:
Несёт поэму лирики поток,
Зачем мутить? Зачем мне притворяться?

Пускай — не совершенный соловей,
Но истину искусства понимаю,
И в простодушной песенке моей
Лишь лучшему из лучших подражаю.

Итак, я ждал прибытия семьи.
Сперва жена без сына прилетела.
Его на это время ради дела
К себе забрали родичи мои.

Встречал её с шампанским и цветами
В уже знакомом аэропорту
Надёжный Ан расстался с небесами
И скинул трап в уютную мечту...

Тут можно бы, конечно, рассказать
О том, как стали жить мы, поживать,
На окнах появились занавески,
Бурлила теплотрасса после врезки,

Как ждали посолиднее жилья
Жена моя, родня моя и я.
Как высадили первую герань,
Купили холодильник «Юрюзань»

(В окно легко вошёл по габаритам).
Стал на работу уходить я сытым —
О завтраке заботилась жена.
Все в выигрыше: город и страна!

Гудел рассвет и в граде и в стране:
Я, увлечён течением вполне,
Жил без оглядки, счастлив был и рад
За время, что нам выпало, стократ.

На праздники^б ходил под флаги алы,
Выписывал газеты и журналы,
От «Правды» до «Крестьянки» и «Труда» —
Хотел всё знать, понятно, и тогда.

Врубал магнитофон, крутил пластинки,
Носил по лету туфли и ботинки.
Зимой влезал в огромные унты —
Заботы были ясны и просты.

III

Студенческие светлые мечты,
Я нынче вас с улыбкой вспоминаю.
Вы сбылись постепенно, до черты;
Несбывшееся тоже принимаю.

Динамика событий такова,
Что всё вокруг вверх дном перевернулось,
Перемешалось, много раз сболтнулось,
Забылось и шевелится едва.

Но что-то зрело в обществе тогда,
Когда важней всего была учёба.
Моё богатство — не мои года,
А жизнью чётко выбитая проба,

Которой время честно метит нас
Без нашего на то соизволенья.
В урочный час достаточно мгновенья —
Былые тени выйдут напоказ.

Зачем я помню тот весенний день?
Свет. Музыка. Валерий Ободзинский⁷.
Шутя, рисует звуком страсть и лень
Напев азербайджанский иль грузинский.

И тут же «...иней лёг на провода»
Таинственный, могучий и жестокий,
Неотразимый, синий, одинокий
И мозг нам выносящий без стыда.

Удастся ли сегодня рассказать,
Как мыслили в годах семидесятых
Сегодняшними буднями чреватых?
Чем были? Что сумели потерять?

Так вот. Чему учились мы тогда?
Точней, чему нас жизнь тогда учила? —
Всё надо мерить мерою труда.
О чём бы только речь ни заходила.

Но исподволь, как бы сама собой,
Приходит заурядная идея,
Что без труда приятней и вольнее
Валяться на кровати день-деньской...

Назавтра нам экзамены сдавать —
Трояк с утра жжёт ногу мне в кармане:
— Гаяз, а если взять нам и... «поддать»?
— Почто ж не выпить ёжику в тумане?

И понеслось!.. На следующий день
Гаяз с Андрюшей... сдали!.. На четвёрки!!!
Друзья мои, бывает. Ясен пень,
Экзамен сдать, что прокатиться с горки:

Не каждый выезжает налегке,
Но, в этот раз, такое совпадение —
Ясней, чем дату моего рожденья,
Я выложил ответ о Колчаке.

Да и Гаяз ничуть не оплошал.
Ужель преподаватель маху дал?
Иль были слишком легкими билеты?
Вот так и создают авторитеты!

Билет попался ровно в третий раз.
Отлично мне бы сдать, за три-то раза!
Но водочка, что пили мы от сглаза,
Ей богу, не безвреднее, чем квас.

Глаза, как у Ду-Фу⁸ или Ли-Бо⁹,
Головушка похмельная — «бо-бо»!
Хотя (с какой бы страсти ни болела)
Она — хозяйка и души, и тела.

Желательно хозяйошку беречь
И молодцу, и даже негодяю.
А можно ль от судьбы предостеречь?
Спросите, что попроще. Я не знаю.

Одно скажу. Глава тем хороша,
Что ею в теле замкнута душа,
И без главы давно б, утратив целость
И чувство счастья, разом разлетелась.

Согласно окруженью создана
Серьёзной пицци требует она.
На Маркса¹⁰ многотомность «Капитала»
С опаскою студенчество взирало.

И я листал, вникал, в мечте понять,
Как он сумел подобный труд создать?
И чтоб ему, свивая мыслей плети,
Попроще их не выдать на рассвете?

Но Энгельса¹¹ вдобавок почитав,
И оценив побочные задачи,
Я понимал, что Маркс, конечно, прав,
Да и не мог, наверное, иначе!

Чего, увы, не скажешь об иных...
Викт`ор Некрасов, Воробьёв до кучи,
И Солженицын¹² лишь один из них.
Подсовывали книжки и покруче...

Короче, шла идейная борьба.
Но чем бы я тогда ни увлекался,
В свою тянула сторону судьба
И я не сильно ей сопротивлялся.

IV

На автобазе утренней порой
Под музыку скворчиного напева
И воплю дизелей наперебой,
Готовили систему подогрева.

Смеялись над водителем потом —
Он к чешской «Татре»¹³ подошёл с ведром,
Долить воды в горячий радиатор.
Искал, куда залить её — «новатор»!

Шла подготовка к будущей зиме:
Гараж шумел и сварка бушевала.
Второе дно на кузов самосвала
Приделано — семь пишем, два — в уме.

Теперь бетон не будет замерзать
И пристывать в особые морозы.
Читатель ждёт уже особой рифмы
И я не ему не силах отказать.

Трудом перекуём любую лень
На «анти-лень» и творчество в квадрате!
В Сургуте начинался новый день
От старого отставший очень кстати.

Здесь летом между ними очень мал
Ночной, едва заметный промежуток
И так светло в любое время суток,
Что бесконечно только б и гулял!

Любуйся, наслаждайся, делай шаг
Прекраснейшими белыми ночами,
Хотя, когда кипит перед очами
В три смены стройка — тоже не пустяк!

Бывало, летом в отпуск уезжаешь,
А возвратишься — выросший квартал
Как будто вживе сказку представляешь,
Как будто сотни лет он тут стоял!

И вот итог свободного труда,
Любой мечты и планов исполнение —
Застой исчез из жизни без следа,
И кос Оби крыло коснулось гения.

Я не приучен фейки сочинять.
Зачем? Когда захочешь — не прибавишь!
Я видел то, о чем нет смысла лгать —
А это значит — правильный товарищ.

Плюс к этому ещё такая фича:
Тружусь, тихонько песенки мурлыча.
Приятель, если весело живёшь,
То и при всех невольно запоёшь,

И пусть тогда мы этих слов не знали:
«Фейк», «фича», «гаджет», «кулер», «монитор»
Зато задорных чувств не растеряли,
Что на душе держали до сих пор.

**Холодно зимою
(песенка охотника)**

Холодно зимою.
Жёнушка, налей-ка!
Ни шута не греет
Эта телогрейка.

Вот весна настанет —
Вырастет крапива,
Тут уж мы с тобою
Заживём счастливо.

Вот весна настала —
Сразу ясно стало,
Что одной крапивы
Будет, братцы, мало.

Даже выпить пива
Хочется по-русски,
А с одной крапивой —
Как же без закуски?

Значит, запрягаем,
Значит, в лес поедем.
Закушу я вепрем!
Закушу медведем!

Я песенки безбедно сочинял,
«Тиранил» ими местную газету
К искусству любопытство сохранял,
Как подобает доброму поэту,

Вдруг весть вошла. Скончался ветеран.
Наш старый начколонны, беззаветный
Владелец синих, пороховых ран,
Что на лице темнели так заметны.

Ты многим был за брата, за отца.
Неслыхана доселе мощь такая:
Автомобили плыли без конца,
Гудками честь герою отдавая.

Как будто попрощались навсегда
На линии последнего маршрута
До самой Чёрной речки¹⁴ — Эх, беда! —
Все триста тысяч жителей Сургута!

Прощай, наш дядя Ваня! Мир тебе!
Мне жаль, очередного Дня Победы
Ты не застал! (Зато — хвала судьбе! —
Позора «перестройки» не отведал.)

V

Я армии поэтов — рядовой.
Давно пора бы выслужить отставку —
Год незабвенный семьдесят шестой
Так кстати обеспечил сил прибавку!

Ко мне вернулись прежние друзья,
Любившие зайти в вагончик малый.
Давненько не общались мы. Пожалуй,
На пенсии скучают, как и я.

Там был чернявый Лириков Олег,
На Чехова похожий Павел Сашин,
Гайк Асмеянц — кавказский человек,
Красив, кудряв, уверен и бесстрашен.

Не глядя в календарик — просто так,
Покуривая то Опал, то Приму,
Мы вчетвером обманывали зиму,
Слагали стихотворный кавардак.

У каждого бывал и я в гостях,
Что Вера Павла, что Олега Райка
Питали нас говядиной во щах.
В общаге холостящего Гайка

Я пил стаканом красное вино¹⁵
Под Маяковским — ценные портреты
Мы просто вырезали из газеты.
О, боже! Как же было то давно!

Вагончик утешал и примириал
Настраивал на праздники и будни.
Чем было нам сложнее и многотрудней,
Тем проще нам объятья раскрывал.

Валились в ноги тысячи удач,
Чего мы осознать порой не смели.
Недели звали за собой недели
И месяцы неслись за ними вскачь.

Наш Север закалялся и прочнел
В достоинствах, а то и в заблужденьях:
Единство в ожиданиях и мненьях
Не часто выпадают нам в удел.

Не часто мы с толпою заодно:
Один успешен, а другой — не в моде.
Угрюмый Гераклит сказал давно:
— Раздор у человечества в природе.

Не часто, справедливости верны,
Мы тянемся к величию страны
Вдохновлены соседа похвалами,
С утра опохмелившегося с нами.

Моим друзьям был верен я совсем,
Негласный кодекс дружбы разделяя:
Не предаю того, с кем пью и ем —
Наперсника — хотя б и негодяя.

Со всеми был и ровен я, и прям,
Спокоен независимо от чина,
Взращён семьёй, воспитан как мужчина,
И истины в обиду я не дам.

У нас такими было большинство
Особенно в среде простой, рабочей
До язвы карьеризма неохочей:
Любовь к чинам — страшней, чем воровство.

Забавную историю об этом
Сосед Сергей со смехом рассказал
Он был и комсомольцем, и поэтом,
Значения чему не придавал.

«С начальником мы в аэропорту
В Тюмени летом ждали самолёта —
Посадки то ли Ана, то ли Ту
Жара была — неммыслимое что-то!

Я вёз с собой канистру — литров пять,
Прекраснейшее мартовское пиво,
И попросту стал пива предлагать.
Начальник: «Нет!» — ответил горделиво.

Пожалуй, нынче я не обвиню,
За то, что он с угрюмостью позднее
Промолвил: «Ну, неси свою... фигню!»
Точнее, не фигню — ещё грубее.

Тогда же показалось далеко
Неласковым такое обращенье.
Я не мгновенно отыскал решенье,
Принёс канистру и разлил пивко.

И за большим глотком — Спаси Христос! —
Начальник был с коллегой или другом,
Сбивая жар, я внятно произнёс:
— Ну, вот. Моя фигня к любым услугам!

Начальник не нашёлся, что сказать,
А по прилёту мигом наострился
И начал выраженья выбирать —
Полгода он при мне не матерился».

VI

Всебесконечно здесь не собираясь
С читателем держать единый путь,
Тут мой герой, немного сомневаясь,
От суеты хотел бы отдохнуть,

Но паузы не терпит наша тема
Поэтому продолжу, не спеша.
Щеми сердца, свободная поэма,
Живи, неповторимая душа!

Под старость лет довольствуются малым:
Кого волнуют слава, честь и бой?
И бард готов предстать оригиналом,
Не жертвуя ни миром, ни собой.

Пускай моих потомков веселит
Югры неутомимая природа
Где не зима — лишь только четверть года,
И та предстать зимою норовит.

Где снег из тучи, не из тучи — снег,
И я, шутя, вношу в проблему ясность:
Где выживает редкий человек,
И выжившие — главная опасность.

Кому же бард поёт? Зачем тоскует
Томительней и трепетней других?
На кой он чёрт так тщательно рифмует
Перед армадой на ухо тугих

В эпоху нищеты книгоизданья?
Отыщется ли слову уголок?
Сгодятся ль заготовленные впрок
О северной земле воспоминанья?

Ханты-Мансийск (не низок — не высок),
Во времена былинные, седые,
То был одноэтажный городок —
Глубинная провинция России.

Туда и нам с Андрюшею пора,
Которого в поездку не крамола,
А времени великого игра
Вела по порученью комсомола.

Шёл в общем-то обычный семинар,
На перерыве, в комнате буфетной
Эксперимент устроили заметный:
Без продавца разложен был товар.

Оставив деньги на большом подносе,
Мог каждый кофе выпить или чай,
На завтрак съесть, чего душа попросит —
Никто не взял копейки невзначай.

Рассказывали, в Приамурье где-то
У лётчиков в буфете точно так
Шампанское стояло. Из буфета
Никто не угощался натошак.

Кругом царили служба, дисциплина,
Кругом — «порядок в танковых войсках»,
От Бреста до Чукотки — всё едино! —
Как молвится, за совесть, не за страх.

Не знаю, по какой-такой причине,
Общаясь с теми, кто уже служил,
Я слыхом не слыхал о дедовщине,
Наверное, не с теми я дружил?!

Но кем бы я по жизни не трудился
Под сенью белоснежно-голубой,
Нетрудно было управлять собой,
И теми, кто в товарищи годился.

Нам нефте-газозносная Сибирь,
Распахивала руки во всю ширь
И радостную встречу обещала:
Любила нас и многое прощала.

В Ханты-Мансийске времени того
Определённо, я бывал недаром,
Гулял по деревянным тротуарам
И, как умел, исследовал его.

Обычное меню простой столовой
Обед нам предлагало образцовый:
Оленье мясо, клюквенный десерт.
Звучал из репродуктора концерт.

Хотя известно было, почему-то
И студии здесь нет как таковой,
А действует вещанье из Сургута,
Но это разговор уже другой.

Сюда мы прибывали на «Ракете»¹⁶
Я скоро полюбил поездки эти.
Хотя предпочитаю с давних пор
С подводными крылами «Метеор»¹⁷.

Тогда в Сургут ворвался Соловейкин —
Литинститута грешный выпускник.
Он, как магнитофон на батарееке,
В невинное сознание проник.

Никто не мог на славного равняться —
Сопернику таланта не простят!
Он вывел сам, как с нами обращаться:
Топил, пока слепые, всех котят.

То намекал, что надо «ставить водку»,
Куда-то звал «подонков» и «тупиц»,
И делал текстовую обработку
Одной из самых скромных учениц.

Андрюша Соловейкина не слышал —
Пока старался жить своим умом
Пока из круга прежнего не вышел
И помнил о далёком и былом.

VII

Сам о себе услышал я намедни:
Пропал певец — огня бывшего нет.
Что мне сказать в ответ на эти бредни?
Чем доказать — да жив ещё поэт?!

Как армия победными боями,
Как муж, неся жене зарплату в дом,
По-пушкински сорю вокруг стихами:
Делюсь моим лирическим трудом.

Мне безразличны клевета и мода,
Презрение элиты не страшит.
Искусство происходит из народа,
Ему, по праву, и принадлежит.

Итак, пока народ меня читает:
Ругает, повторяет, почитает,
Мне обижаться не на что совсем:
Что к ужину готово, то и съем.

Но с детства не приучен, не могу
Отдать мой ужин клятому врагу,
Гублю себя, гублю, а всё здоров
В отсутствии врагов и докторов.

— Вотще, — сказал бы выпранный Андрюша,
Что значит — понапрасну, то есть «зря».
Куда вела его судьба-кликуша,
Он сам не ведал, честно говоря.

К отправке «Метеора» опоздал:
В Ханты-Мансийске загулял немного.
Ну, что ж, билет на следующий взял,
Ошибку переправила дорога.

Тот «Метеор», что первым мчался к цели,
На полпути случайно сел на мель.
И был отнюдь не сразу стянут с мели —
Такая приключилась карусель!

Везло ль по жизни нашему герою?
Сказать по чести — кажется, везло.
Бывал замечен грустным он порою,
Порою по течению несло.

Ложился спать с раздумьями одними,
Вставал с другими, верная жена,
Была ему не то, чтоб не верна,
Но бредила мужчинами иными:

Артист, начальник, властный персонаж,
Способный сделать многое «по благу»,
А он имел вагончик, да зарплату,
Да рифмою богатый карандаш.

Сегодня, из поездки возвратясь,
Хотя она успешно удалась,
Он чувствовал тревожную усталость,
Которая никак не унималась.

Мы любим жизнь. А любит ли она?
Кого-нибудь она, конечно, любит.
Иной придёт и скажет, как отрубит:
— Заплачено! Любить меня должна!

Такой подход романтика смущает,
Но рвись из кожи, выходи из жил!..
Она же – ничего не обещает,
Лишь оставляет то, что заслужил.

Андрюша был изрядно непрактичен,
Не столь широкоплеч, сколь флегматичен,
«Шабашничать» лишь изредка умел:
И над стихами пёрышком скрипел.

Когда-то мой единственный приятель,
Он был, что называется, мечтатель.
Об этом деле песенок немало
Весёлая ножовка напевала,

Которую он, господи прости,
Пока не мог умело развести,
Разряд по штатной сетке повышая,
На то была надежда и большая.

Жизнь может человека сил лишить,
И может привести любого в чувство.
Всё ж инструмент поправить-наточить
Для плотника — первейшее искусство!

Иной рабочий не возьмёт за грех
Послать к чертям инструментальный цех,
И прячет в личном шкафчике «на спрос»
Набор, что сам же из дому принёс.

Андрей с душой в работу уходил,
Жена его – того не понимала,
Не в том ли ссоры теплилось начало,
Которую шаман не предвещал?

Лихие начинаются дела,
Как правило, с налётом дурачины.
Однажды вдруг с работы не пришла,
Жена его без видимой причины.

С небес ли кто, из адских ли глубин
Кто семьями людскими управляет?
Так вышло: у неё он не один —
Она ему нещадно изменяет.

Семье грозит решительный финал:
Прекрасный опыт был неидеальным.
Андрей, конечно, позже всех узнал
Об этом обстоятельстве печальном.

Не опишу, мне совесть не даёт —
Детали, щекотливые моменты:
Он подал заявление на развод,
И подала жена на алименты.

VIII

Андрей уехал жить в вагончик к другу.
Друг женский труд наглядно презирал
И простыней полгода не стирал,
Хоть так живи, хоть нанимай прислугу.

А с прачечными был большой вопрос:
Увяла ревность и пропала злость.
Андрей в грязи помыкался чуть-чуть,
И возмечтал жену себе вернуть.

Гулять устала, вроде, и она...
Решили оба сделать детям милость,
Но вновь пошла семейная война,
Вернуть былое так и не случилось.

Закон уничтожения неистов:
Покуда ветры черные летят,
Война рождает смерть и пацифистов,
Последних скоро точно укротят.

Да, склеенное держится похуже.
В замену появилось то, что так
Нелепо назовут «гражданский брак».
Как бы полу-жена при полу-муже.

Делами врозь не строится семья
Как говорят искусство и наука,
Как доказали Лебедь, Рак и Щука —
Герои старой басенки — и... я.

Андрей спокойно подошёл к тому,
Что чувств его былых не задевало,
Чему изрядно смысла не хватало,
Давайте, позавидуем ему!

Тем более, что занял наш герой
В том полугодье, проявив старание,
Второе место в соцсоревновании
По министерству «Миннефтегазстрой».

Он начал помаленьку понимать —
Жизнь — это бесконечное сражение,
И двойственности в ней не избежать,
Когда потребно мудрости служенье.

Собратья по перу топили снег
Бессмертными, блестящими стихами.
Карьеру делал Лириков Олег,
И в партию вступил он меж делами.

Мечтанья Гайка расцветали бойки,
Павлуша Сашин тоже не дремал,
Задолго до грядущей «перестройки»
Судьбу герменевтично¹⁸ понимал.

Прошёл свердловский университет,
И был по специальности философ —
Вдали от грубых бытовых вопросов,
А нынче... у кого их нынче нет?!..

Суть поэзии

Гаранин.

В чём суть поэзии? Скажи мне, Сашин, прямо.

Сашин.

– Она безвольна, потому упряма.

Она грустна, а, значит, бестолкова.

Ну, а теперь твоё, Гаранин, слово.

В чём суть поэзии? Ответствуй мне, Гаранин!

Гаранин.

– В ней много всякого, и доброго, и дряни.

Она похожа на гигантскую капусту.

А кочерыжка называется — искусство!

Теперь скажи, засунув голову под мышку,
Куда ты спрятал, Сашин, кочерыжку?
И, помолчав, ответил Сашин грустно:
Сашин.

– Я съел её. И это было вкусно.

Андрей решил лечить себя наукой,
Естественно не водочно-пивной,
Которой предавался всей душой
Сосед Андрея Толя полный скукой.

Соседа, впрочем, можно и понять:
Толяна в детстве плохо воспитали
И вместо сказок букою пугали.
Жену прогнал и далее — «бухать».

Андрюша тоже был обескуражен,
В амбициях немного «приусох»
Да будь им кто угодно, видит бог,
Ну, кто бы был по-прежнему отважен?

Он Сашина часами донимал
По поводу древнейших категорий,
Павлуша любопытства не снимал,
Выслушивал с сочувствием во взоре

И думал, вероятно: «Ты, Андрей,
Будь поглупей, то было бы мудрей.
Дерзай! Желаеть принципов коснуться,
Попробуй недовольным не проснуться!»

Науки, мудрых дел, искусства ради
Андрей зарылся в книги и тетради,
И сам в конце концов пришёл к тому,
Что так и надо именно ему.

Открытие, увы, не из великих:
Слова, что доски из деревьев диких
Пилить придётся, шкурить и строгать
И можно ли трудом пренебрегать?

Творцу нельзя ни дня без упражнений,
Иначе Муза лучшего найдёт.
Талат ты будь, а, может, даже гений —
К другому обязательно уйдёт.

Поэтому, в искусстве, друг мой милый,
Спеши, но никого не догоняй.
Твори, мечтай, старательно планируй,
И планы непременно выполняй!

Не громозди банальность на банальность
Толпу недоброхотов веселя.
Оберегай идей оригинальность
Для мировой души, не для рубля.

Гони туда, где озеро и поле.
Уронишь очи чуткие твои
И прямо в душу грянут соловьи:
Сибирь и Русь, чего нам надо боле!?

Любовь к отчизне можно ли забыть?
Любовь к тому, что с детства сердцу мило,
Влеку меня, лирическая сила,
Исполнить, исповедать, укрепить!

IX

Опять континентальная жара
Бетонное едва не плавит здание,
Наверное, давно уже пора
Заканчивать моё повествование.

Внимательный оценит и поймёт:
Куда б судьба поэта ни стремилась,
Случившееся в тот весёлый год
Для многого фундаментом явилось.

А главное – Андрей поведал нам
О юности, свободе, комсомоле,
Нерепрессивной социальной школе,
Прекрасной по тогдашним временам.

Любой и каждый мог, не как сейчас,
Иметь работу, отдых, дом, лечение
И забывал речей ограниченье,
Среди друзей, назойливых подчас.

Но мало кто намерен был урвать
Известно, благ на каждого хватало,
И большинство стыдилось воровать,
То значило, — страна не воровала.

Страна богатство тратила своё
На обретенье очага и дыма,
На графики, на пиков остриё,
На то, что в сей момент необходимо.

Моменты доходили до ума
Простых людей — единственной элиты,
О времени заботливой весьма,
И мало раздувавшей аппетиты.

Трудились для других и для себя:
Товарищи, соратники, соседи.
Дивилися таёжные медведи,
Естественную истину любя.

Короче, жить, да жить бы, всем назло
Америкам, израилям, европам,
Не будучи ни паном, ни холопом,
Но где-то «чужакам» не повезло.

Не львиного достоинства мужчины
До власти в государстве добрались
Стяг сняли, под которым мы едины,
СССР с горы пустили вниз.

Ни за полушку о`тдали дельцам
Великие, прекрасные заводы.
В газеты и на радио на годы
Проник бесстыжий, говорливый хам.

А может, раньше был рабочий класс
В чести затем, что больше заморочен?
Мне лично представлялось, между прочим —
Жизнь прямо предназначена для нас.

Трудись, учись, мечтай, ликуй и пой!
Мы умными людьми руководимы.
Пускай не все проблемы разрешимы,
Из них не ждём фатальной ни одной.

Рукой подать — желанный новый мир,
Царящая любовь и человечность —
Они внушали некую беспечность,
Не правда ли, товарищ командир?

Диван перед экраном водрузив,
И дивам телевизионным веря,
Мы потеряли веру в коллектив —
Довольно ощутимая потеря!

И только появились олигархи,
Я понял — наступил капитализм:
Когда вторую принял организм,
Попробуй, удержишься от третьей чарки!..

Кипят мозги. Запоя долог срок —
Четвёртое пошло десятилетье.
Уходит время струйкою в песок.
Ума — не прибывает, по примете.

Но рано или поздно наяву
Проснётся желторотое прозрение
Родится и созреет поколение,
С которым я в мечтанье оживу.

«Ура!» советской Родине моей
Мы прокричим, придёт её година,
Наклонимся главою гражданина,
С учтивостью забытой, перед ней.

С капитализмом всё бы — ничего,
Но буйно процветает воровство,
И, как мы перед властью ни учтивы,
Нет никакой на завтра перспективы.

А неизвестность — чудище, страшней
Которого, поверьте, не бывает!
Трепещет берег моря перед ней,
И горный кряж жестоко унывает.

И *том*, вооружённый до зубов,
И *джерри*, самый хитрый и богатый —
Реально уничтожены, без слов,
Таинственностью сей замысловатой.

Отсюда цель: адепты сатаны
Должны хоть чем-то быть увлечены,
И в хаосе безумных увлечений:
— Доволен жизнью! — скажет даже гений.

Читатель, на природу уповай,
На всю многострадальную планету.
И смысла не ищи, где смысла нету —
Иллюзии себе не создавай!

Х

Андрей решил податься в институт
И со вторым дипломом — инженера
Добиться наилучшего примера:
Не так ли люди над собой растут?

Индустриальный подошёл вполне
Тюменский. Не в таком ли филиале
Свой жизни путь вы тоже начинали?
В каком учиться выпало и мне?

За баллы крепко не переживал:
Экзамены легко и быстро сдал —
По Гоголю подобье сочинения
Да по тригонометрии решения.

Короче, всё нам было по плечу:
Учись, как говорится, не хочу!
Жаль, то, что чересчур легко даётся,
Заслугой осторожно признаётся.

Сосед Сергей три сессии сдавал —
На химии нечаянно споткнулся.
Пересдавать экзамены не стал,
Из академа¹⁹ больше не вернулся.

Фортуне ли казался нехорош,
Сыграл ли в одночасье пилигрима —
Увы, андрюшин был итог похож:
Вторая «вышка»²⁰ пролетела мимо.

Но это чуть попозже, а пока...
Андрей ничуть в астрале не терялся,
Каким он был, таким он и остался,
Желая преуспеть наверняка.

В работе ждать подвоха? А зачем?
Когда свою задачу выполняешь,
Товарищам немного помогаешь,
То и претензий нет к тебе совсем.

Мечты не отличались пестротой
Теперешней компьютерной эпохи:
В любви делишки, ясно, были плохи –
Невесело, когда ты холостой,

К тому же отчисляешь часть зарплаты,
Но и смертельным то не назовёшь.
Ну, стыдно, ну, стеснительно... ну, что ж...
Как говорится, не были богаты...

Не в роскоши росли ни я, ни ты,
Да, хлопоты видали и заботы,
И, всё же, далеко до нищеты,
Когда имеешь северные льготы.

Итак, Андрей опять обрёл покой
Пора и мне закрыть сегодня тему
А то и завершить мою поэму,
Как водится, недрогнувшей рукой.

Эпилог

На Севере, где год за полтора,
На Севере, где трудности и льготы,
Я снова побывал, ну, как вчера,
Заправился, добавил обороты.

И снова там, где нечего ловить.
Там путь открыт, да платная дорога,
Стихами никого не удивить,
Такого легкомысленного слога...

Короче, вот вам, граждане, финал
Вполне себе довольный и счастливый,
Негаданный, нежданный, прихотливый,
И это далеко не криминал.

Андрей Гаранин сам бы, если мог,
Мне благодарность выразил меж строк
Затем, что прошлым счастьем и печали
Перемывать мы кости перестали.

Читателю уж тем я буду мил,
Что здравость нежных мыслей сохранил,
И чувства подзабытые припомнил,
Хотя порою было нелегко мне.

Добра желая абсолютно всем,
На этом, от процесса отвлекаюсь,
И, так уж получается, прощаюсь
До будущих лирических поэм.

(Конец)

Примечания:

1. [Подъёмные](#) — Невозвратный аванс, подлежащий возмещению в случае увольнения.
2. [ТЭН](#) — Трубчатый электрический нагреватель.
3. [Муксун](#) — один из самых вкусных представителей пресноводных рыб с белым мясом.
4. [Ошую, одесную](#) — (Книжн, устар.) по левую сторону, по правую сторону.
5. [Игорь Киртбай](#) — Игорь Алексеевич [Киртбая \(1939-1991\)](#), инженер-строитель. Около 20 лет руководил возведением объектов в Югре.

6. Праздники — 1-го мая и 7-го ноября проводились демонстрации трудящихся, студентов и школьников во всех населённых пунктах Советского Союза.
7. Валерий Ободзинский — Советский и российский эстрадный певец, заслуженный артист Марийской АССР. В 1960-х – 1970-х годах — популярный эстрадный певец.
8. Ду Фу — Классик китайской поэзии.
9. Ли Бо — Великий китайский поэт.
10. Карл Маркс — немецкий философ, социолог. Экономист, писатель, поэт, политический журналист, лингвист, общественный деятель, историк. Друг и единомышленник Фридриха Энгельса, в соавторстве с которым написал «Манифест коммунистической партии». Автор классического научного труда по политической экономии «Капитал».
11. Фридрих Энгельс — Друг и единомышленник Карла Маркса в соавторстве с которым написал «Манифест коммунистической партии», редактор классического научного труда по политэкономии «Капитал». Автор книги «Диалектика природы».
12. Александр Солженицын — автор множества антисоветских произведений, лауреат Нобелевской премии
13. Татра — грузовой автомобиль, конструктивной особенностью которого является воздушное, а не водяное охлаждение двигателя.
14. Чёрная речка — место, где находилось тогдашнее сургутское кладбище.
15. «...стаканом красное вино...» — выражение из пушкинского «Евгения Онегина».
16. «Ракета» — название речного судна на подводных крыльях.
17. «Метеор» — название речного судна на подводных крыльях.
18. Герменевтично — с точки зрения герменевтики (науки об истолковании и понимании текстов)
19. Академ — академический отпуск, после которого возможно восстановление студента в статусе обучаемого.
20. Вышка (студ. жаргон) — высшее образование.

Синопсис поэмы «1976: через 10 лет»

Пролог

Автор на загородной даче вспоминает о прошлом и решается начать новую поэму о первом годе, который его герой Андрей провёл в далёком нефтегазовом Сургуте.

I

Прилёт Андрея в Сургут. Необычная, неожиданно жаркая погода встречающая его в аэропорту. Первые впечатления, которые он получает, знакомясь с северным городом. Обустройство вагончика для жилья, который ему выделяют на работе.

II

Описание того, как выглядели микрорайоны города, знакомство с молодёжным бытом тогдашнего населения Сургута. Приезд жены героя и начало семейной жизни на новом месте.

III

Студенческие будни Андрея за несколько лет до решения отправиться на Север. Пример того, что иногда легкомысленное отношение к учёбе сходит с рук. Небольшой экскурс в учебную программу университета.

IV

Подготовка к зиме на автобазе. Особенности климата и их влияние на профессиональные навыки рабочих и служащих. Адаптация героя к северному быту. Смерть начальника колонны — ветерана Великой Отечественной войны и скорбный отклик на неё товарищей по работе.

V

Литературная жизнь молодых сургутян. Новые знакомые Андрея пробующие перо в поэтических опытах. Литературное объединение Сургута и частное общение пишущих стихотворения горожан.

VI

Описание комсомольско-молодёжного семинара в Ханты-Мансийске. Идеологическая работа, проводимая партийными органами. Пример высокой сознательности сургутян, приехавших на семинар.

VII

Поездка на речном судне и небольшое приключение. Неожиданные семейные сложности. Выяснение отношений, приведшее принципиального Андрея к разводу с супругой.

VIII

Уход героя на жительство к другу. Попытка заново наладить взаимоотношения в семье ради детей. Неудача и решение Андрея посвятить себя работе и творчеству ещё больше.

IX

Поиски автора на грани 1976 года ростков будущих событий в истории нашей страны. Вывод о том, что скорее всего объективных причин для сохранения СССР было отнюдь не меньше, чем для его распада. Причиной поражения социализма можно считать инфантилизм его сторонников.

X

Поступление Андрея в индустриальный институт, который он скоро бросает, не справившись с обстоятельствами.

Эпилог

Автор обещает вернуться к теме и продолжить в ближайшее время писать об Андрее и тех же героях. Он благодарит читателя за поддержку в этом начинании и выражает надежду на понимание.

Сметанин Сергей Егорович

1976: через 10 лет